

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕНДЕРНОГО СТАТУСА СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН В КОЛЛЕКТИВИЗИРОВАННОЙ ДЕРЕВНЕ ЮГА РОССИИ В 1930-х ГОДАХ

*Работа представлена кафедрой теории государства и права и отечественной истории
Южно-Российского государственного технического университета
(Новочеркасского политехнического института).*

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. П. Скорик

В статье анализируется процесс трансформации гендерных ролей в коллективизированной деревне Юга России на протяжении 1930-х гг. Обосновано авторское мнение о том, что, несмотря на весь радикализм преобразований, осуществленных в деревне в период «колхозного строительства», гендерный статус женщин-колхозниц во многом напоминал положение крестьянок в до-колхозный период.

The process of gender roles transformation in collectivized villages of the south of Russia over 1930ies is analyzed. The author argues that despite the radical nature of transformations, carried out in the villages during «collective farm formation», gender status of collective-farm women in many respects reminded that of the position of peasant women in the pre-collective farm period.

Грандиозные социально-экономические трансформации, произошедшие в российской (советской) деревне в ходе коллективизации, повлияли, помимо прочего, и на расстановку гендерных ролей в сельском социуме. Основной вектор трансформаций в системе гендерных взаимоотношений коллективизированной деревни Юга России был направлен в сторону дальнейшей феминизации аграрного производства и сель-

ской жизни в целом. Коллективизация, по замыслам ее творцов, должна была довершить начатое в 1920-х гг. и окончательно уравнивать в правах (как, впрочем, и в обязанностях) сельских женщин и мужчин. Утверждения о том, что эти задачи были выполнены в ходе «колхозного строительства», неоднократно звучали в 1930-х гг. Пожалуй, наиболее четко по этому поводу высказался И. В. Сталин на встрече с

«колхозницами-ударницами свекловичных полей» в конце 1935 г., говоря, что в колхозе женщина, «если она трудится и у нее есть трудодни, она сама себе хозяйка»¹. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют утверждать, что в системе гендерных взаимоотношений колхозной деревни Юга России 1930-х гг. ситуация была вовсе не столь однозначной.

С одной стороны, в условиях колхозной системы сельские женщины действительно могли с большей полнотой использовать появившуюся у них вместе с укреплением советской власти возможность выхода из-под плотной опеки отца, свекра или мужа. В данном случае сказывались особенности колхозов, в которых женщина рассматривалась (хотя чаще всего лишь теоретически) таким же полноценным работником, как мужчина, способным самостоятельно обеспечить свое существование. Кроме того, одинокие или овдовевшие женщины могли надеяться на помощь колхоза, выражавшуюся в обеспечении продовольствием, фуражом, топливом, во вспашке огорода, в постройке дома и т. п.² Подобная практика способствовала усилению независимости сельских женщин от мужчин, поскольку коллективные хозяйства, по существу, брали на себя те функции материального снабжения семьи, которые должен был выполнять муж (другое дело, что отнюдь не все колхозы были готовы выполнять эти задачи).

Стремясь к установлению гендерного равноправия, большевики не были намерены ограничиваться лишь сферой производства. В 1930-х гг. усилиями государства женщины-колхозницы наравне с мужчинами активно вовлекались и в процесс военной подготовки и военного обучения (как было принято тогда говорить, «в оборонную работу»). Колхозницы, особенно девушки, учились владеть огнестрельным и холодным оружием, пользоваться противогазом (на одной из фотографий, например, мы видим колхозниц, работающих в поле в противогазах³). Учитывая специфику Юга

России, где значительную часть населения составляли казаки, славившиеся как превосходные кавалеристы, девушки-колхозницы обучались навыкам верховой езды в кружках «ворошиловских кавалеристов», как, например, это было в колхозе «Политотделец» Константиновской МТС Орджоникидзевского края⁴.

В коллективизированной деревне Юга России 1930-х гг. была отчетливо выражена тенденция изменения расстановки гендерных ролей в сторону равноправия женщин и мужчин. В это время увеличивается численность «новых женщин», искренне полагавших, что в условиях колхозной системы гендерное равенство стало фактом, и утверждавших: «Колхозы дали нам полную экономическую независимость от мужчины – отца, мужа, свекра»⁵. Но хотя масштабы и глубину гендерных изменений, произошедших на протяжении 1930-х гг. в советской деревне (в том числе в селах и станицах Юга России), невозможно оспорить, следует все же признать, что задача установления равноправных отношений между сельскими женщинами и мужчинами так и не была реализована; по крайней мере, ее так и не удалось выполнить до конца.

Даже коллективизированное сельское сообщество, и в том числе представители местного руководства, не было готово признать женщин равными мужчинам, что являлось следствием поспешности и некоей «поверхностности» преобразований конца 1920-х – 1930-х гг., неспособных в силу этого разрушить традиционные гендерные порядки крестьянства. В сфере профессионально-трудовых отношений это выражалось прежде всего в крайне слабой вовлеченности женщин в состав административно-управленческого аппарата колхозов. Да и рядовые колхозницы, несмотря на активные попытки властей вовлечь их во все (даже традиционно «мужские») отрасли аграрного производства, рассматривались как менее ценные работники, нежели мужчины.

В сельском быту стремление мужчин подчеркнуть свое превосходство над женщинами и нежелание признать их равными себе проявлялось не менее отчетливо. Показателен следующий пример: на совещании старших агрономов райколхозсоюзов Северо-Кавказского края в феврале 1931 г. один из вступавших сказал «бабы» («послать баб на прополку»), и когда председательствующий его поправил («женщина, а не баба»), то в зале раздался смех⁶. Грубость, как выражение мужского превосходства над женщинами, была нередким явлением в быту, причем этим грешили даже представители власти, которые (теоретически) должны были подавать пример «несознательным» крестьянам демонстрацией подчеркнуто уважительного отношения к колхозницам и единоличницам. Реагируя на многочисленные факты подобного рода, в феврале 1930 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) был вынужден раскритиковать представителей власти за грубое (даже демонстративно грубое) отношение к сельским женщинам⁷.

В колхозной деревне, как и ранее, одинокие женщины, не имевшие опеки мужа (этой «каменной стены», за которой можно спрятаться от напастей), зачастую не пользовались уважением. Выше мы уже указывали, что коллективные хозяйства оказывали одиноким или овдовевшим колхозницам необходимую помощь, вплоть до постройки дома. Но данная тенденция соседствовала с другой, совершенно противоположной, выражавшейся в пренебрежительном отношении к безмужним колхозницам и их нуждам, о чем нередко упоминается в источниках⁸. Сложно сказать, какая из этих двух тенденций преобладала, но даже к исходу 1930-х гг. колхозницы, не имевшие мужа, нередко сталкивались с откровенно пренебрежительным (а то и хамским) отношением к себе со стороны колхозного начальства и односельчан.

Более того, в условиях колхозной системы наряду с попытками установить ген-

дерное равноправие наблюдалась и отчетливо выраженная тенденция буквально вбить в колхозников и колхозниц чувство покорности, преклонения перед властью. Множество колхозных чиновников (не говоря уже о представителях вышестоящих властных структур) относились к женщинам примерно так же, как рабовладельцы к своим рабам, видя в них не равноправных партнеров, но одушевленную вещь. Так, в мае 1932 г. в Прохладненском районе Северо-Кавказского края по распоряжению уполномоченного райкома ВКП(б) Шевцова была «арестована колхозница Каменскова, которая работала в степи продолжительное время с трехмесячным грудным ребенком и возвратилась домой с целью вымыть ребенка и сходить в амбулаторию». После ареста Каменскову в принудительном порядке отправили на работу, оставив ее ребенка дома, что привело к его смерти⁹. В конце 1935 г. в станице Преградной Удобненского района Азово-Черноморского края работники колхозной администрации так усердно «понуждали» ударницу-колхозницу Заборенко (больную, на шестом месяце беременности) идти на работу, что она «через пару дней скончалась»¹⁰. Очевиден вывод, что постоянные издевательства и унижения, практиковавшиеся колхозным и вышестоящим начальством (особенно в первой половине 1930-х гг.), никоим образом не способствовали укреплению гендерного равноправия.

Представляется возможным заключить, что в колхозной деревне (в том числе в селах и станицах Юга России), вопреки планам большевистских теоретиков об установлении равенства мужчин и женщин, гендерного равноправия достичь не удалось. На всем протяжении 1930-х гг. в силу особенностей колхозной системы тенденция феминизации, выведения женщины из-под власти мужчины соседствовала с тенденцией сохранения и, более того, укрепления гендерного неравноправия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Котов Г., Стуков М., Горбатенко Г.* Советская деревня к третьей пятилетке // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 4. С. 150.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф. 1774-а, Оп. 1. Д. 988. Л. 15; *Малютин, Марфунцев, Волченко.* По сталинскому уставу работаем и распределяем доходы // Колхозный путь. 1935. № 9. С. 20.

³ Учет и финансы в колхозах. 1937. № 6. С. 40.

⁴ Орджоникидзевская правда. 1938. 29 июля.

⁵ Письмо колхозниц колхоза «12-й Октябрь» Тарасовского района Ростовской области И. В. Сталину // Колхозница. 1937. № 11. С. 10.

⁶ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. р-2399. Оп. 1. Д. 341. Л. 70.

⁷ Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.): Документы и материалы. Краснодар, 1972. С. 262.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 81; Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 335в. Л. 56.

⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. В 5 т. Т. 2: 1929–1930. М., 2000. С. 379.

¹⁰ ЦДНИ РО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 252. Л. 48.